
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Б.А. Шмелёв, М.Е. Симон

ВЛИЯНИЕ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Научный доклад

Москва
Институт экономики
2013

Шмелёв Б.А., Симон М.Е. Влияние внутривнутриполитических процессов на внешнюю политику постсоветских государств (научный доклад). — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 40 с.

ISBN 978-5-9940-0467-8

В докладе предпринимается попытка: выявления структурных и системных факторов, обуславливающих параметры и траектории внешнеполитического курса постсоветских государств; сравнения основных периодов посткоммунистической трансформации с точки зрения решаемых внешнеполитических задач; определения ключевых проблем, подлежащих «секьюритизации» на постсоветском пространстве. Исследуются базовые представления о международной безопасности в странах бывшего СССР, влияние международного контекста на ход трансформационных процессов в них, степень вовлеченности гражданских обществ в решение вопросов, затрагивающих внешнеполитическую деятельность; определяется соотношение между формированием национальной идентичности и внешнеполитической ориентацией.

ISBN 978-5-9940-0467-8

© Институт экономики РАН, 2013
© Шмелёв, Симон, 2013
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические подходы к исследованию взаимосвязей между внутренней и внешней политикой	6
Глава 2. Фазы посткоммунистической трансформации	9
Глава 3. Особенности национального строительства в странах бывшего СССР в контексте формирования внешнеполитической повестки	17
Глава 4. Структурные параметры региона и субрегиональная типологизация	25
Заключение	34

ВВЕДЕНИЕ

Выявление факторов и закономерностей влияния внутриаполитических процессов на формирование внешнеполитического курса стран бывшего СССР представляется нетривиальной задачей, учитывая различие теоретических подходов к осмыслению социальных и экономических трансформаций, произошедших в них за последние два с лишним десятилетия. Как отмечает почетный профессор Лондонской школы экономики Б. Бузан, взаимодействие между бывшими советскими республиками характеризуется высочайшей степенью асимметричности, что заставляет ведущих западных аналитиков воспринимать их как своего рода аномалию для современной системы международных отношений¹. Образ постсоветского пространства как региона, в котором царит международная анархия, сложился во многом из-за того, что попытки преодоления политической и экономической атомизации, предпринимавшиеся в течение 1990-х гг., зачастую оказывались неудачными. Институциональная слабость СНГ, недостаток возможностей и желания лидеров новообразованных государств вкладывать существенные ресурсы в интеграционное строительство обусловили скептицизм многих экспертов, исследующих процессы посткоммунистической трансформации. Этим

---

1. *Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 397.*

объясняется и то обстоятельство, что применение теоретических моделей к анализу воздействия внутриполитических факторов на внешнюю политику постсоветских государств становится делом весьма сложным.

В настоящем докладе предпринимается попытка: выявления структурных и системных факторов, обуславливающих параметры и траектории внешнеполитического курса постсоветских государств; сравнения основных периодов посткоммунистической трансформации с точки зрения решаемых внешнеполитических задач; определения ключевых проблем, подлежащих «секьюритизации» на постсоветском пространстве. Согласно указанным авторам, «секьюритизация» суть «дискурсивный процесс, в результате которого в политическом сообществе конструируется intersubъективное восприятие какого-либо фактора в качестве экзистенциальной угрозы и соответственно признается необходимость неотложных и исключительных мер для ее отражения»². В современном мире в качестве подлежащих защите референтных объектов «секьюритизации» могут выступать «национальный суверенитет», «права человека», «окружающая среда», «религия» и т.д. Таким образом, угрозы безопасности не даны априори и объективно («сами по себе»), а конструируются социальными субъектами в ходе внутриполитического процесса. «Секьюритизацию» в то же время не следует понимать как абсолютно произвольный и спонтанный процесс, на нее влияет ряд объективных и материальных условий. Индикаторами интенсивности процессов «секьюритизации» могут выступать вооруженные конфликты, борьба с терроризмом, этнические чистки и другие чрезвычайные меры³. В докладе также исследуются базовые представления о международной безопасности в странах бывшего СССР, влияние международного контекста на ход трансформационных процессов в них, степень вовлеченности гражданских обществ в решение вопросов, затрагивающих внешнеполитическую деятельность; определяется соотношение между формированием национальной идентичности и внешнеполитической ориентацией.

---

2. Ibid. P. 409.

3. Ibid. P. 418.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ

Период с конца 1970-х до начала 1990-х гг. отмечен доминированием теорий, в которых основной акцент делался на изучение внешних (структурных и системных) вызовов, детерминирующих поведение государства на международной арене. Подобная концептуальная установка обнаруживается как в подходах неореализма (К.Уолц, Д. Грико, Д. Миршаймер, С. Уолт), так и в мир-системных теориях неомарксистского толка (И. Валлерстайн, С. Амин, Д. Арриги). Представители указанных направлений исходят из различных предпосылок, однако они едины в том, что «содержимое» государства не представляет для них определяющего значения. В неореализме государство рассматривается как бильярдный шар, траектория движения которого зависит исключительно от внешних воздействий, а не от того, какова структура самого предмета, материала, из которого он сделан⁴. Для представителей мир-системного анализа примат внешних факторов над внутренними обусловлен параметрами международной экономической системы, предполагающей глобальное разделение труда.

Однако начиная со второй половины 1990-х гг. все больше исследователей международных отношений, находясь в рамках разных парадигм, приходят к пониманию того факта, что действия национальных правительств не являются исключительно реакцией на происходящее вовне и что необходимо учитывать некий ком-

---

4. Романова ТА. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. №3. 2012 (<http://www.globalaffairs.ru/number/O-neoklassicheskom-realizme-i-sovremennoi-Rossii-15590>).

плекс внутренних факторов и интересов внутривнутриполитических акторов⁵. Почему, действуя в одних и тех же условиях, схожие по своим параметрам государства по-разному ведут себя на международной арене? Этим вопросом на сегодняшний день задаются теоретики как неоклассического реализма (Г. Роуз, Р. Швеллер, С. Лобелл, Д. Тальяферро), так и конструктивизма (О. Вэвер, И. Нойманн, П. Катценштейн, Н. Онаф, А. Ачария), а также неоинституционализма (М. Лансбери, Р. Джепперсон, В. Пауэлл). Отметим также, что взгляд на международную систему, при котором внутренняя политика детерминирует внешнюю, наиболее характерен для различных направлений либерализма.

Примечательно, что представители неоклассического реализма не отрицают первостепенное значение структурных факторов, однако, с их точки зрения, конфигурация групп интересов, а также механизмы достижения общественного консенсуса посредством институциональной системы также играют принципиальную роль для понимания различий между реакциями государств, находящихся под давлением внешней среды. В этом смысле обнаруживается тесная связь между ними и последователями неоинституциональной парадигмы, поскольку в современных реалиях возможности государства на международной арене в существенной степени зависят от успешности взаимодействия между властью и институтами гражданского общества, а легитимность политических режимов — от достижения социальной консолидации. Что касается конструктивизма, то вклад этого направления в понимание механизмов формирования внешнеполитического курса заключается в том, что акцент делается на эпистемологических особенностях восприятия теми или иными акторами социальной реальности. Очевидно, что лица, принимающие решения, не всегда исходят из рациональных предпосылок, а их представления о мире и политическом действии обусловлены знаниями и парадигмами, в которых они сформировались, а также личным опытом⁶.

Особенность постсоветского восприятия теории международных отношений заключается в том, что политическая наука

---

5. Там же.

6. Там же.

должна была пройти фазу деидеологизации. Отказ от марксистско-ленинской парадигмы, долгие годы обладавшей монополией на осмысление природы взаимоотношений между государствами, не был сопряжен с возникновением большого числа новых теоретических школ и концепций. Вскоре после первой волны «вестернизации» начала 1990-х гг., когда наконец стали доступны иностранные источники, в большинстве постсоветских республик доминирующее положение заняла реалистическая трактовка международной политики, в наиболее огрубленной форме редуцированная до примата силы и национального интереса. В то же время в результате отсутствия в советский период альтернативных концепций в политической науке стали превалировать эмпирические исследования. Это обстоятельство не могло не сказаться в настоящее время и выражается в слабой заинтересованности экспертов в теоретизации международных отношений.

Постсоветское пространство представляет собой уникальный регион с той точки зрения, что здесь отмечается наивысшая степень интенсивности смены геопрограммных альянсов, а также реформирования внешнеполитического целеполагания входящих в них государств. Указанная нестабильность существенно затрудняет возможности теоретической интерпретации и обрекает исследователей преимущественно на приращение эмпирической базы. Неудивительно, что в большинстве работ, посвященных внешней политике постсоветских государств, в качестве основных источников выступают газетные статьи и интернет-ресурсы. Постоянно меняющаяся ситуация требует нахождения нового материала, а фундаментальные исследования, предполагающие кропотливую и долгосрочную работу, быстро утрачивают актуальность.

Как бы то ни было, применение теоретических подходов представляется необходимым условием для выявления влияния внутриполитических факторов на формирование внешней политики бывших советских республик. В настоящем исследовании авторы считают целесообразным отталкиваться от своеобразного синтеза неоклассического реализма и конструктивизма в понимании международной системы. Особое внимание также уделяется факторам институционального строительства и механизмам функционирования политических систем бывших советских республик.

ФАЗЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Необходимым условием для выявления структурных параметров рассматриваемого региона (или макрорегиона) видится анализ ключевых социально-экономических изменений, произошедших после распада СССР. Основные фазы посткоммунистической трансформации протекали в рассматриваемых государствах с разной скоростью, однако они имеют ряд общих особенностей, что позволяет произвести периодизацию, предполагающую разделение на три этапа.

Содержание первого этапа определялось стремлением бывших советских элит превратиться в новый правящий класс общества, основанного на рыночной экономике. Эти элиты формировались из представителей прежней партноменклатуры, которые привнесли в политический процесс опыт КПСС со всеми его минусами: неумением работать с массами, боязнью открытости в принятии решений, бюрократизмом и авторитаризмом. В качестве приоритетов их деятельности провозглашалось утверждение демократических ценностей: разделение властей, равенство всех перед законом, соблюдение прав человека. Однако непрозрачность институтов власти, неэффективность политических партий, возникших после распада СССР на постсоветском пространстве, не позволяли привносить новые идеи и подходы к решению возникающих в ходе реформ проблем.

В большинстве постсоветских стран произошла приватизация основных производственных фондов, в результате чего воз-

ник влиятельный слой крупных собственников. Становление нового общественного строя сопровождалось появлением в политике постсоветских государств новых проблем и противоречий, которые приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на их дальнейшее развитие. Одной из них явилось практически повсеместная концентрация власти и собственности в руках узких групп (кланов) национальных элит. При этом власть и бизнес оказались прочно связанными друг с другом, а интересы высшего чиновничества и владельцев ведущих компаний и предприятий тесно переплелись⁷.

Социально-экономические отношения и политические режимы, сформировавшиеся в 90-е гг. XX в. в большинстве постсоветских государств, отличались ярко выраженным неравенством в распределении власти и собственности, отсутствием системы общественного контроля над деятельностью властей.

В первое десятилетие посткоммунистическая трансформация и формирование в регионах олигархических систем осуществлялись в условиях социальной пассивности населения: тяготы адаптации к новым реалиям подавляли интерес к участию в социальной и политической жизни. Это позволило элитам навязать населению свое понимание трансформации как неизбежности выбора «меньшего из зол», в качестве которого выступала сама посткоммунистическая власть, несправедливая и неэффективная, но зато обеспечивающая относительную стабильность в обществе и возможность выживания. Роль «большого зла» отводилась, как правило, противникам действующей власти — в европейских странах постсоветского пространства, в первую очередь, коммунистам и национал-демократам, а в Центральной Азии — исламистам.

Формальное действие институтов смены власти в большинстве стран бывшего СССР не препятствовало проведению политического курса, направленного на недопущение передела собственности. Для политических элит опасение утраты властных рычагов напрямую связано со страхом потери собственности. Тесное переплетение политических, административных и бизнес-элит пре-

---

7. Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. № 1. С. 19.

вратило их, по сути, в единый класс, полностью контролирующий крупные предприятия и компании.

Постсоветские государства выбрали различные модели экономических преобразований в зависимости от отношения к бывшей советской государственной собственности. Одни пошли по пути быстрого разгосударствления и укоренения рыночных отношений, другие оставили средства производства под контролем государства. Однако в большинстве из них (за исключением разве что стран Балтии и Молдовы) крупная собственность контролируется представителями правящих группировок.

При распаде СССР главы всех бывших советских республик получили власть вместе с обретением независимости. Фактически институт президентства вырос из структур республиканских компартий, для которых указанный институт стал важнейшим инструментом, с помощью которого можно было сконцентрировать власть в своих руках. В большинстве новообразованных государств президенты получили огромную формальную и неформальную власть, которая была легитимирована путем общенациональных выборов.

Таким образом возник феномен «патронажного президентства» — формы власти, позволяющей ее обладателю не допустить коллективного противодействия режиму со стороны элит и тем самым эффективно управлять ими⁸. Для этого используются традиционные средства: члены региональных элит могут быть уволены, а если они занимают избираемую должность, то президентские структуры могут оказать поддержку кандидату от оппозиции или добиться снятия его с предвыборной дистанции, либо обвинить в каких-либо преступлениях и посадить за решетку.

В результате описанной социально-экономической динамики в большинстве постсоветских республик произошла своеобразная автономизация внешней политики, размежевание внутри- и внешнеполитической повестки. Вследствие социальной пассивности населения, сложностей формирования электоральных систем, а также озабоченности элит вопросами разделения собственности, главы государств получили фактическую монополию на формирова-

---

8. Hale H. Regime Cyler: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. No 1. P. 138.

ние внешнеполитического курса. Сосредоточенность лидеров новых независимых государств на решении внутренних проблем, а также тяготы адаптации к новым реалиям обусловили невозможность приложения серьезных усилий к интеграционному строительству на постсоветском пространстве, а следовательно — слабость СНГ как международной организации. Следует отметить, что Россия, исторически претендующая на роль локомотива в интеграционном объединении, в течение 1990-х гг. не обращала должного внимания на своих ближайших соседей, предпочитая выстраивать отношения с западными странами.

Наступление XXI в. ознаменовалось появлением в СНГ новых социально-экономических и политических процессов, что позволяет сделать вывод о наступлении нового (второго) этапа посткоммунистической трансформации.

В их числе, в первую очередь, экономический рост, который наблюдался практически во всех постсоветских странах. Однако в условиях утвердившейся в них системы общественных отношений его выгодами смогло воспользоваться лишь меньшинство. В то же время экономический рост повысил планку ожиданий, причем подобные настроения охватили основную массу населения. В новых условиях наиболее серьезные проблемы — социальное неравенство, закрытие каналов вертикальной мобильности, клановый характер власти и ее неподотчетность — стали восприниматься особенно остро.

В результате монополизации власти узким кругом лиц в большинстве постсоветских стран она приобрела «семейный» характер, что привело к сужению ее социальной базы. Постепенно возник слой недовольных среди элит — политической, утратившей возможность влиять на государственные решения, а также деловой, столкнувшейся с серьезными препятствиями в предпринимательской деятельности, а то и вовсе с угрозой захвата принадлежащих членам элиты предприятий господствующими «олигархическими» кланами. Соединение социального протеста низов с «фрондой» элит создавало необходимые условия для революционных изменений, тем более, что правящие круги не хотели реагировать на возникавшие общественные запросы в рамках формально действовавших демократических процедур.

Главным условием возникновения «цветных революций» в Грузии, Украине и Кыргызстане явилась массовость недовольства правящими режимами и их неадекватность, то есть неспособность удовлетворить хотя бы наиболее острые потребности общества, выполнить программные требования оппозиции, и тем самым, предотвратить социальные катаклизмы. Особенность данного этапа заключается также в том, что наиболее недовольными, а стало быть, и наиболее политически активными, оказались представители самих элит. Именно они инициировали массовые протесты, приведшие к смене государственной власти в указанных странах.

В результате «цветных революций» (в первую очередь, в Грузии и Украине) произошла смена вектора внешнеполитического курса указанных государств: к власти пришли силы, настроенные на интеграцию в евроатлантические структуры. В то же время нельзя констатировать, что вопросы внешней политики сыграли определяющую роль в процессах артикуляции и агрегации общественных интересов в ходе предвыборных кампаний, однако «поворот» в сторону Запада в существенной степени был детерминирован желанием нивелирования влияния России на внутривнутриполитические процессы (выражавшегося преимущественно в поддержке пророссийски ориентированной части элит) в рассматриваемых странах.

Таким образом, к середине 2000-х гг. в международной архитектуре постсоветского пространства возникает своеобразная кооперация между государствами, стремящимися к сдерживанию российских внешнеполитических амбиций. Это связано в том числе с активизацией сотрудничества в рамках Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ, в деятельности которой принимают участие Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова. До 2005 г. в ней также состоял Узбекистан. Главным инициатором подобного объединения стала Украина вследствие ярко выраженных претензий на региональное лидерство на постсоветском пространстве. Она посчитала ГУАМ своего рода противовесом СНГ. Модифицированный блок был призван формировать пространство устойчивого экономического развития в зоне своего действия – от Каспия до Восточной Европы. Во главу угла работы организации было поставлено сотрудничество в энергетической сфере по дивер-

сификации поставок на европейский рынок энергоресурсов за счет привлечения каспийских источников.

Другой важнейшей особенностью организации стало намерение участников ГУАМ интернационализировать миротворческие операции в зоне «замороженных конфликтов» и привлечь «глобальных игроков» к участию в контроле над ситуацией. В свое время Украина поддерживала инициативу Грузии по созданию объединенных миротворческих сил под эгидой ООН, ОБСЕ, НАТО или ЕС для участия в урегулировании международных конфликтов на постсоветском пространстве.

Однако ситуация несколько изменилась после 2009 г. Вследствие глобального экономического кризиса интерес к данному региону со стороны США и ЕС, служивших ориентирами развития для большинства постсоветских стран, заметно снизился. Во многом этому поспособствовали и неудачи «цветных революций», которые вопреки ожиданиям не привели к заметному прогрессу в сфере демократии и созданию свободных рыночных экономик. Примечательно, что в Украине в ходе электоральных циклов произошла поэтапная смена власти, в результате которой победу (сначала на парламентских, а затем и на президентских выборах) одержала настроенная более позитивно в отношении России Партия регионов. Что касается Грузии, то в результате парламентских выборов, состоявшихся в октябре 2012 г., правящим политическим объединением стала партия «Грузинская мечта — Демократическая Грузия», основанная аффилированным с российскими бизнес-структурами Б. Иванишвили. 27 октября 2013 г. президентом страны был избран кандидат от указанной партии Г. Маргвелашвили, что свидетельствует об устойчивости демократических механизмов ротации руководства страны. Наиболее нестабильной представляется ситуация в Кыргызстане, где неспособность пришедшей в результате «тюльпановой революции» к власти группировки к нахождению общественно-политического консенсуса привела к новой вспышке революционной активности. Однако необходимо отметить большую расположенность нынешнего политического режима, оказавшегося у власти в результате событий апреля 2010 г., к сотрудничеству с Россией, чем предыдущего.

Привлекательность России, прежде всего, как страны, обладающей возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова начала возрастать. Москва сумела воспользоваться плодами новой международной конъюнктуры: в 2010 г. стартовал проект Таможенного союза; были нормализованы отношения с Украиной в вопросах поставки газа и продления срока аренды военно-морской базы в Севастополе; до 2044 г. были продлены сроки присутствия российской военной базы в Армении.

Намеченное на 1 января 2015 г. появление Евразийского экономического союза, призванного объединить интеграционные структуры – ЕврАзЭС, ОДКБ и Таможенный союз, заставило различных представителей западного экспертного сообщества говорить о нем как о наиболее амбициозном и масштабном за последние 20 лет начинании, направленном на усиление сотрудничества между республиками бывшего СССР.

Кроме того стала очевидной несостоятельность проекта ГУАМ, который прекратил свое существование. Сколько-нибудь заметных политических и финансовых дивидендов от участия в его реализации не получила ни одна из стран-участниц. Отметим также, что руководство Молдовы постоянно критиковало его за неэффективность и превращение в инструмент политических спекуляций⁹.

Таким образом, представляется возможным говорить о переходе от второго к третьему этапу посткоммунистической трансформации на постсоветском пространстве. Настоящий период отмечается усложнением политических и электоральных систем не только в странах, в которых произошла смена власти в результате массовой уличной протестной активности, но и в других республиках, политические режимы которых традиционно принято трактовать как «авторитарные» и «полуавторитарные». Усложнение политических систем, сопровождающееся включением в политические процессы стран СНГ новых акторов (политических и экономических групп интересов), и постепенная активизация отдельных элементов гражданского общества путем самоорганизации снизу обусловили усиление общественного внимания к вопросам внешней политики.

---

9. Седякин Ю. ГУАМ в контексте региональной политики Украины // Обозреватель. 2007. №8. С. 97.

Если исходить из типологии уровней «секьюритизации», предложенной Б. Бузаном и О. Вэвером (внутренний, региональный, межрегиональный, глобальный)¹⁰, то можно обнаружить, что на первом этапе большинство постсоветских государств отдавали приоритет решению внутренних проблем, а на втором возникает заинтересованность в вопросах регионального и одновременно глобального уровня. Наконец, нынешний (третий) этап посткоммунистической трансформации отмечен усилением интеграционной активности, что свидетельствует об актуализации межрегионального контекста международных отношений на постсоветском пространстве. Отметим при этом, что Россия всегда занимала особое положение в рассматриваемом регионе, претендуя на международное признание в качестве одного из глобальных центров силы.

---

10. Buzan B., Waever, O. Op. cit. P. 397.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Одна из ключевых особенностей социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве заключается в том, что наряду с построением системы современных демократических и рыночных институтов в большинстве рассматриваемых стран происходили процессы национального строительства. Как отмечает Р. Брубейкер, данное обстоятельство объясняется тем, что СССР ни в теории, ни на практике не был задуман как национальное государство. Появившаяся в 1970-е гг. формула «новая историческая и интернациональная общность — советский народ» была наднациональной. Понятие «нации» закреплялось за общностями более низкого иерархического уровня (союзными и автономными республиками)¹¹.

Советская национальная политика содержала существенное противоречие: преследуя стратегическую цель стирания этнических различий и добившись в этом определенных успехов, она в то же время ускорила процессы становления национального самосознания, «навязывая этничность» и подготавливая тем самым переход к суверенному национально-государственному строительству. Вследствие применения бюрократических приемов (паспортная система, привилегии для представителей титульных наций и т.д.) возникли ранее не существовавшие барьеры между разными национальностями, а также «привязка» индивидов к их этническим группам.

---

11. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012 (http://yanko.lib.ru/books/cultur/brubaker_rogers_ethnicity_without_groups_2004_ru_2012_408s_sl.htm).

Таким образом, в большинстве союзных республик возникли предпосылки для независимого существования: административные территории, населенные «коренными народами»; собственные политические элиты и образованный средний класс; распространение местных языков и развитие национальной культуры. Можно сказать, что первый этап этнополитической мобилизации народы, населяющие постсоветское пространство, прошли еще до перестройки¹².

В отличие от стран Западной Европы, где понятие «нация» подразумевает, в первую очередь, тип политической общности, обладающей инклюзивными свойствами, на постсоветском пространстве оно сохраняет преимущественно этнокультурные коннотации, а следовательно, предполагает обязательное наличие внешнего «другого» при актуализации данного вида самоидентификации¹³. Отсутствие ощущения «включенности» представителей «нетитульных» национальностей создает предпосылки для обострения этнополитических конфликтов, а также подпитывает сепаратистские движения в отдельных странах (Молдова, Грузия, Азербайджан).

Еще одним последствием советской национальной политики стала проблема защиты прав русскоязычного населения в республиках бывшего СССР, которая играет огромную роль во внешней политике России и ее взаимоотношениях с соседями. Данная тема занимает значимое место в риторике лидеров политических партий и движений.

Примечательно, что Бюзан и Вэвер относят постсоветское пространство к тому типу регионов, где доминируют военно-политические аспекты безопасности, актуализирующиеся преимущественно в контексте этнонациональных конфликтов¹⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «секьюритизация» национального строительства, обуславливающая необходимость противодействия внешним силам, угрожающим успешности его осуществления, в последние два десятилетия была присуща большинству постсоветских государств, за исключением

12. Ачкасов В.А. Риски этнополитической мобилизации в условиях кризиса развития // Политика развития и политико-административные отношения / Ред. А.В.Сморгунов, Е.В.Морозова. Краснодар, 2009.

13. См.: Нойманн И. Использование другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М: Новое Издательство, 2004.

14. Buzan B., Waever O. Op. cit. P. 409.

разве что Беларуси. Несмотря на то, что в республике существуют политические силы, настаивающие на уменьшении роли русского языка (например, «Консервативно-христианская партия—БНФ»), нынешнее руководство страны никогда не абсолютизировало фактор национальной идентичности. Это сделало возможным строительство Союзного государства России и Беларуси, заложившее основу для появления Таможенного союза.

Проблема прав русскоязычных меньшинств занимает центральное место в контексте взаимоотношений между Россией и странами Балтии. Для политических элит этих стран Россия остается ключевым «внешним раздражителем», что очевидным образом проявляется, в частности, в ходе электоральных кампаний. В случае Латвии и Эстонии указанная проблематика сфокусирована также на аспекте получения гражданства. Российский «внешний раздражитель» (будь то русские корни мэра Риги Н. Ушакова, «рука Москвы» в политической карьере экс-президента Литвы Р. Паксаса или мэра Таллина, лидера Центристской партии Эстонии Э. Сависаара) продолжает оставаться одним из ключевых элементов внутривнутриполитического дискурса в указанных государствах¹⁵. Этим объясняются «шероховатости» в двусторонних отношениях с Россией, сопровождающиеся постоянными апелляциями к советскому историческому наследию и зачастую оказывающие негативное влияние на прагматическое сотрудничество (в том числе в транзитной сфере).

Весьма непростым оказался процесс национального строительства и для Молдовы. В момент образования государственности существенный сегмент молдавского общества поддерживал идею присоединения к Румынии, что в немалой степени было обусловлено фактором языковой общности. Тем не менее, несмотря на противодействие русскоязычного населения, в конечном счете приведшее к эскалации приднестровского конфликта, руководству республики удалось найти форму общественного компромисса, что способствовало формированию демократической политической системы.

Плюрализм молдавского общества объясняется тем, что около 30% населения страны составляют национальные меньшин-

---

15. Смирнов В., Сутырин В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010–2011 годов // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 150.

ства (украинцы, русские, гагаузы и болгары). К тому же молдавско-румынское большинство расколото на несколько групп, обладающих собственной идентичностью и политическими предпочтениями¹⁶. Часть молдаван попросту считают себя румынами. Эта группа относительно мала, но достаточно устойчива. Опасность того, что она станет доминирующей и будет лоббировать присоединение Молдовы к Румынии, невелика. Вторая группа — это те молдаване, которые поддерживают политическую независимость молдавской нации, однако признают, что язык в Молдове румынский. Данная категория населения доминирует сейчас в политике, поскольку включает в себя активных молодых людей из образованных слоев городского населения, а также сельской интеллигенции. Третья категория — это молдаване, которые считают себя молдаванами, а свой язык молдавским и настроены часто антирумынски.

При таком множестве позиций ни одна община в Молдове не обладает достаточной силой, чтобы доминировать в масштабах государства и установить режим авторитарного правления. Любому правительству приходится балансировать между разными сообществами. Такая ситуация благоприятна для плюрализма, но часто препятствует образованию сильной коалиции в поддержку реформ.

Как ни странно, сепаратистский конфликт в Приднестровье не оказал существенного влияния на демократизацию республики. Такие конфликты часто используются различными политическими силами для мобилизации общества и оправдания чрезвычайных режимов правления. Но приднестровский конфликт не привел к появлению политика-популиста, молдавские избиратели в большинстве своем безразличны к этой проблеме. Только 2% населения считают, что проблема Приднестровья должна быть приоритетной, и только 10% включают ее в тройку главных направлений внешней политики¹⁷.

Индифферентность населения к этой проблеме объясняется еще и тем, что в республике не наблюдаются столь тяжелые последствия конфликта, как на Северном Кавказе (масштабные террористические акты и пр.), а сам он не представляет видимой

---

16. Иванов В., Боршевский А. Правовая регламентация и характеристика неправительственных организаций национальных меньшинств в Молдове // Гражданское общество Молдовы: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конференция. Комрат: Inc. pentru Democratie, 2011. С. 54.

17. Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer, Oct. 2008.

угрозы для существования государства (в сравнении с Арменией). В отличие от Азербайджана и Грузии Молдова приняла концепцию «общего государства», предполагающую широкую автономию для части страны, находящейся под сильным влиянием России¹⁸. Это обстоятельство сыграло существенную роль в возникновении в рамках ГУАМ противоречий относительно механизмов разрешения «замороженных» конфликтов, что обусловило функциональную неэффективность данной организации.

Этнонациональные конфликты, охватившие регион Южного Кавказа еще до обретения Грузией, Арменией и Азербайджаном независимости и не утихающие по сей день, оказали принципиальное влияние на характер нацио- и государственного строительства в этих республиках и соответственно на их внешнюю политику.

Так, важнейшим фактором внешне- и внутривнутриполитической жизни Армении была и остается проблема Нагорного Карабаха. В Ереване действует нечто вроде «карабахского лобби». В данном случае речь не идет о субэтническом представительстве, а об отстаивании интересов Карабаха. Особенно отчетливо это сказывается на внешней политике. Ведение переговоров об урегулировании конфликта и отношения с Азербайджаном образуют отдельный сектор армянской внешней политики, в котором практически все политические силы нацелены на консервацию сложившейся ситуации. Лозунг: «ни пяди земли», изначально популярный в Карабахе, за последние несколько лет стал одним из центральных внутренних дискурсов в Армении¹⁹.

Именно карабахским конфликтом определяется приоритет внешней политики Армении в отношении России. Между Арменией и Азербайджаном наблюдается полномасштабная гонка вооружений, для чего Азербайджан использует доходы от продажи нефти. Поскольку у Армении нет подобной возможности, льготные поставки вооружения из России, а также наличие «зонтика безопасности» в виде ОДКБ становятся основными ее ресурсами в данном конфликте. Вопросы урегулирования карабахского кризиса, а также нормализации отношений с Турцией остаются главным камнем преткнове-

18. *Buzan B., Waever O. Op. cit. P. 418.*

19. *Искандарян А. Армения между автократией и полиархией // Pro et Contra. 2011. Т.15. №3–4. С. 28.*

ния для различных политических сил Армении. Следует подчеркнуть, что именно отношение к данной проблематике в первую очередь оказывает влияние на симпатии армянских избирателей.

Что касается Грузии, то восстановление территориальной целостности страны стало одним из козырей предвыборной программы еще первой президентской кампании М.Саакашвили. Необходимо отметить, что Саакашвили с самого начала своего прихода к власти продемонстрировал способности харизматического лидера популистского толка, а легитимация его нахождения у власти осуществлялась путем консолидации общества перед внешней угрозой.

После восстановления контроля над Аджарией новый Президент попытался решить проблему с еще одним регионом — Южной Осетией. Попытка добиться этого мирными способами потерпела крах, но и военные действия не привели ни к какому результату. С помощью многосторонних международных усилий было предотвращено вторжение в Абхазию.

Хотя грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты были внутренним делом Грузии, проблемы, связанные с их урегулированием, стали камнем преткновения в российско-грузинских отношениях. Несмотря на неоднократные заявления обеих сторон о согласованности мер по решению данной проблемы, Россия и Грузия постоянно прибегали к односторонним действиям, вызывающим осуждение противной стороны. И если стремление Грузии привлечь страны Запада в качестве сил, способных повлиять на восстановление ее территориальной целостности, вполне могло рассматриваться как недобрососедское, но все же вполне правомерное, то действия России в отношении с Абхазией и Южной Осетией (прежде всего безвизовый проезд, предоставление абхазам и коренным жителям Южной Осетии российского гражданства и контакты российских официальных представителей и высокопоставленных чиновников с лидерами самопровозглашенных республик) вызывали у грузинской стороны возмущение и недоверие к Российской Федерации, формируя явно негативное по отношению к России общественное мнение²⁰.

---

20. Бахтуридзе З. Направление внешнеполитического курса Грузии при президенте Саакашвили // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 7. №3. С. 65.

Вторжение грузинской армии в Цхинвал, обернувшееся трагедией для мирного населения этой непризнанной республики, и последовавшая за ним операция российской армии — это события, затронувшие не только их непосредственных участников, но и повлекшие за собой долговременные и многоплановые международные последствия. События августа 2008 г. обнажили вопрос о состоятельности СНГ как интеграционной организации. Разрыв отношений между Москвой и Тбилиси поставил под вопрос не только «работоспособность» СНГ, но и прочность двусторонних отношений с ближайшими соседями — ни один из членов Содружества открыто не выразил поддержку действиям Москвы в Южной Осетии. Отмолчалась даже Беларусь.

Таким образом, в регионе сформировались как минимум две внешнеполитические стратегии поведения. Грузинская — предполагающая максимально возможный уход из-под влияния России на Запад, и азербайджанская — предпочитающая политику гибких альянсов, «качелей»: сбалансированное развитие отношений как с Западом, так и с РФ, возможность осторожных компромиссов с различными интересами мировых держав. Армянская внешняя политика в чем-то стремится быть похожей на азербайджанскую, однако объективная географическая «закрытость» страны, помноженная на этнонациональные претензии к соседям, не позволяет прибегать к региональной диверсификации. Можно, скорее, говорить о многовекторности по отношению к Москве, Вашингтону и Брюсселю.

Что касается стран Центральной Азии, то их государственные институты, а также национальные идентичности были сконструированы в результате проведения советской национальной политики. В отличие от других народов, населяющих постсоветское пространство, становление центральноазиатских наций исторически не было сопряжено с национальными движениями за независимость (за исключением Казахстана). Этим обстоятельством объясняется примат не национальной, а клановой самоидентификации в данном регионе, выходящей за пределы государственных границ.

Превалирование региональной, племенной и клановой солидарности обусловило слабость государственных институтов в Центральной Азии вследствие дефицита механизмов их легити-

магии. Политические системы большинства республик основаны на приоритете подчинения действующей власти в целях ее сохранения, а не национальным интересам страны. При решении государственных задач учитываются узкие групповые интересы отдельных кланов. Рычаги управления экономическими процессами находятся под влиянием отдельных элитных группировок, сформированных по регионально-клановому принципу, что приводит к превалированию частных интересов над национальными, теневой политической сферы над публичной политикой. Все это создает нестабильность в обществе, способствует консервации неэффективных методов управления и тормозит административно-политические и экономические реформы, ведет к архаизации общественно-политической и социальной жизни в странах региона.

Особое положение в рассматриваемом контексте занимает Казахстан. В результате тонкой политики балансирования между национальным протекционизмом и инклюзивными стратегиями, как во внешней, так и во внутренней политике, Н. Назарбаеву удалось добиться ощутимых успехов в проведении структурных общественно-политических преобразований. Кроме того, благодаря осторожности в вопросах национального строительства удается избежать обострения ситуации на севере страны, где проживает значительная часть русского населения.

Фактором потенциального обострения этнонациональной розни в регионе является Ферганская долина, в которой отмечается наибольшая в Центральной Азии плотность населения. Находящаяся на стыке трех государств (Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан) эта местность, начиная с конца 1980-х гг., стала ареной противостояния узбеков и турок-месхетинцев. В результате этнических погромов масштабные миграционные потоки захлестнули Россию, Казахстан и Азербайджан. Что касается Таджикистана, то гражданская война, начавшаяся сразу после объявления независимости республики, последствия которой ощущаются как во внутри-, так и во внешнеполитическом аспектах, носила не столько этнический, сколько межклановый характер.

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЕГИОНА И СУБРЕГИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

Определяя контуры постсоветского пространства как комплекса (вернее нескольких комплексов) региональной безопасности²¹ (в терминологии Б. Бузана)²², необходимо отметить, что его структурные и системные параметры на сегодняшний день обусловлены, в первую очередь, столкновением интересов глобальных игроков – России, ЕС, США, Китая, Турции и Ирана. В каждом субрегиональном сегменте политическая и экономическая гравитация, возникающая в результате действия тех или иных центров силы, определяет динамику внешнеполитического ориентирования бывших советских республик.

В отношении руководства большинства новых независимых государств многие исследователи предпочитают использовать метафору «качельного маневрирования»²³ между интересами крупных мировых держав. Отсюда перманентная амбивалентность международного позиционирования и частые смены вектора направленности их внешней политики. Институциональная слабость, зависимость от иностранных инвестиций, а также «транзитный» характер экономик большинства постсоветских республик,

---

21. RSC – Regional Security Complex.

22. См.: Лукин А.А. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия (http://www.ojkum.ru/arc/2011_02/2011_02_02.html).

23. Караваев А. Армянская специфика лавирования между Россией и Евросоюзом // «Политком.ру». 2013. 5 сент. (<http://www.politcom.ru/16333.html>).

вынуждающий их выступать в роли своеобразного моста между различными частями планеты, порождают метания и непоследовательность в контексте выбора приоритетных партнеров. Подчеркнем, что в процессах формирования внутривосточных ориентаций фактор культурного, языкового, этнонационального, религиозного и, наконец, идеологического самоотождествления с теми или иными внешними силами зачастую имеет фундаментальное значение.

Исходя из этого постсоветское пространство представляется возможным (с известной степенью условности) разделить на четыре субрегиональных образования: страны Балтии, европейская часть постсоветского пространства («Новая Восточная Европа») ²⁴, Южный Кавказ и Центральная Азия.

Страны Балтии занимают особое положение в свете рассматриваемой проблематики, поскольку, в отличие от подавляющего большинства бывших советских республик, они имеют исторический опыт политической независимости, нацио- и государственного строительства. Необходимо отметить, что в момент отделения от СССР руководства этих стран апеллировали к исторической преемственности, восстанавливая многие законодательные акты, принятые в межвоенный период.

Кроме того, нельзя не отметить существенные отличия политических систем Эстонии, Латвии и Литвы от новых независимых государств. Несмотря на сохранение большого числа бывших функционеров во власти, им удалось произвести постепенную демократическую ротацию элит, а также установить гражданский контроль над частью государственных ведомств и обеспечить обратную связь между властью и обществом, в то время как остальные республики бывшего СССР оказались подвержены значительному влиянию кланово-олигархических связей, что не позволило запустить механизмы горизонтальной мобильности, а также участие широкого спектра акторов в формировании внутри- и внешнеполитической повестки дня.

Необходимо упомянуть проблему ценностных ориентаций, не зависящих от политической принадлежности. Несмотря на частый переход власти от правых к левым и в обратную сторону,

---

24. Buzan B., Waever O. Op. cit. P. 416.

балтийские народы никогда не подвергали сомнению правильность выбранного пути — к рынку и демократическим механизмам, в то время как провальная экономическая политика 1990-х гг. способствовала возникновению ностальгических настроений в отношении советского прошлого у ощутимой части общества во многих других странах постсоветского пространства.²⁵ Таким образом их интеграция в евроатлантические структуры, несмотря на различные позиции политических партий, представляется следствием общественного консенсуса относительно дальнейшего вектора внешнеполитического движения. Однако «качельное маневрирование», столь характерное для большинства постсоветских правительств, в какой-то мере относится и к балтийским государствами в контексте лавирования между США и ЕС.

При этом не следует забывать о необходимости критического восприятия субрегиональных конструкторов, к которым в том числе относятся страны Балтии, поскольку они нередко фигурируют в международном дискурсе в качестве единого геопространственного целого, что приводит к восприятию такого рода образований как неизбежно данных²⁶. Примечательно, что анализ географических, социально-политических, а также экономических основ для выделения такого рода объединений демонстрирует внутреннюю неоднородность и неомогенность включаемых в них стран, не говоря уже о наличии совершенно различных внешнеполитических интересов в каждый конкретный исторический период. Так, Литва нацелена на сотрудничество с Польшей в меру культурно-исторических традиций, в то время как Латвия и Эстония в политическом и экономическом отношении в большей степени ориентированы на Скандинавский регион и имеют весьма специфические проблемы с русским национальным меньшинством.

Если в отношении балтийских республик России пришлось смириться с утратой внешнеполитического влияния, то остальная часть европейского постсоветского пространства (Беларусь, Украина и Молдова) остается для нее наиболее важным и приоритетным в стратегическом отношении регионом. Это касается как

---

25. Россия и Украина: вопросы социально-экономического развития в контексте взаимных отношений. М.: ИЭ РАН, 2013. С. 30–31.

26. Нойманн И. Указ. соч. С. 161.

вопросов бесперебойных поставок энергоресурсов в европейские страны через территорию указанных государств, так и поддержания международного престижа посредством демонстрации контроля над ситуацией в наиболее близком к ЕС субрегионе. В целом политические системы стран европейского постсоветского пространства можно охарактеризовать как наиболее устойчивые (если не брать в расчет балтийские республики) с точки зрения воспроизводства институтов власти. В настоящее время рассматриваемый субрегион нередко характеризуют как «Новую Восточную Европу», поскольку страны «старой» (ныне члены ЕС) предпочитают позиционировать себя на международной арене как «центральноевропейские».

Украина, Беларусь и Молдова отличаются друг от друга по многим параметрам, в том числе по темпам развития и достигнутым результатам перехода к рыночной экономике, политическим системам и международным ориентирам. По этой причине их взаимоотношения между собой и с Россией развиваются по-разному. У России и этих стран есть общее историческое прошлое, вызывающее гамму противоречивых эмоций. Примечательно, что на образ мыслей и действий политических элит всех постсоветских государств воздействует утвердившийся в советское время стереотип отношений «старшего» и «младших» братьев. В России он служит основой и оправданием неоимперских притязаний на политическое и экономическое доминирование на постсоветском пространстве. В странах «Новой Восточной Европы» он играет роль «стоп-сигнала», побуждающего их элиты усматривать в любых действиях Москвы стремление восстановить прежний тип отношений²⁷. Однако общее прошлое — это еще и воинское братство в войне против нацистской Германии и многовековые культурные связи, это десятки миллионов людей, соединенных родственными узами, профессиональными и дружескими отношениями.

Фактор общей культурной идентичности оказывает неодинаковое влияние на их внутренние взаимоотношения, а также между ними и Россией. В первом случае он способствовал сближению и политико-экономической интеграции, во втором — продол-

---

27. Борко Ю. Россия и ее европейские партнеры в СНГ: драма отношений // Россия и объединяющая Европа: перспективы сотрудничества. М., 2007. С. 66.

жает порождать противоречия, в результате которых затрудняется поиск механизмов консолидации украинской нации. Очевидно, что для существенного сегмента российского общества культурно-историческая общность с украинским народом гораздо более очевидна, чем, скажем, с народами республик Северного Кавказа²⁸, что находит отражение в риторике различных российских политических акторов. В то же время, как отмечал Д. Фурман, «в восточной Украине сложилось неопределенное полуукраинское-полурусское, но в основном – советское самосознание, которому более или менее соответствовала идеология старшего и младшего братьев, навеки соединенных любовью и иерархическим подчинением»²⁹, чего нельзя сказать об Украине западной.

Социологические опросы последних лет свидетельствуют о приверженности широких слоев населения Украины, в особенности молодого поколения³⁰, западным демократическим ценностям. Однако видение дальнейшего пути развития украинского общества затрудняется определенной степенью разочарованности деятельностью западно-ориентированной «оранжевой коалиции», что привело к потере ею определенной части электората, приведшей к приходу к власти Партии регионов во главе с В. Януковичем. Несмотря на сохранение проевропейской риторики обнаруживается очевидный конфликт между формой институциональной структуры и ее реальным содержанием, что заставляет многих западных экспертов говорить о попытке имитации демократических процедур.

Что касается Молдовы, то ключевую роль в ее отношениях с Россией продолжает играть фактор Приднестровья. Молдова не имеет общей границы с Россией, однако нуждается в ее поддержке для урегулирования конфликта. Это обстоятельство делает неопределенной перспективу скорого вступления страны в ЕС, несмотря на наиболее высокие международные индексы демократического развития на постсоветском пространстве (после стран Балтии).

---

28. *Trenin D.V.* The End of Eurasia. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001. P. 180.

29. *Фурман Д.Е.* Русские и украинцы: трудные отношения братьев // Украина и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 1997. С. 8.

30. См.: *Golovakha E., Gorbachuk A., Panina N.* Ukraine and Europe: Outcomes of International Comparative Social Survey. Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine, 2007.

Плюрализм политической системы Молдовы в значительной степени объясняется внешними факторами. Пространство для внешнеполитического маневра у Молдовы весьма ограничено, поэтому ее руководству всегда было тяжело игнорировать свои международные обязательства по отношению к ЕС. Страна слишком сильно зависит от иностранной помощи. Молдова невелика, у нее нет природных ресурсов, она не занимает такого геостратегического положения, как Украина или Грузия, не имеет финансовой и политической поддержки, которую обеспечивает Армения диаспора, и у нее нет возможности маневрировать между Россией, США и Китаем, как это делают страны Центральной Азии.

В вопросах внешней торговли, денежных переводов и получения грантов Молдова зависима от ЕС как никакая другая страна постсоветского пространства. Вступление в ЕС поддерживают 72% населения страны, и оно является безусловным приоритетом во внешней политике³¹. Однако европейская интеграция не рассматривается здесь в качестве антироссийского проекта. Более 50% населения страны считают, что Россия должна быть ее ключевым стратегическим партнером. Дружественное отношение молдавской общественности к России полезно как для Молдовы, так и для России, поскольку оно препятствует формированию образа внешнего врага и помогает сглаживать межэтнические отношения.

Страны Южного Кавказа в существенной степени уступают «Новой Восточной Европе» в контексте стабильности политических систем и режимов. Становление государственности Азербайджана, Грузии и Армении сопровождалось насильственными сменами элит, а также внутри- и межгосударственными вооруженными конфликтами, имевшими этнонациональную основу. Среди наиболее актуальных проблем Южного Кавказа можно выделить: неконтролируемые миграционные процессы, приведшие к обострению межнациональных отношений; ускоренное распространение радикальных идеологий; вопросы спорных территорий.

Сложность социально-экономической ситуации в регионе заключается в том, что после распада СССР произошел разрыв экономических связей южнокавказских республик с другими реги-

---

31. Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer, Mar. 2009 (www.ipp.md).

онами и республиками бывшего СССР. В результате были потеряны рынки сбыта сырья. Неспособность конкурировать с другими странами по качеству продукции и отток специалистов на Запад вследствие вспыхнувших в регионе вооруженных конфликтов обусловили разрушение промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Все это привело к обнищанию практически всех слоев населения, снижению его образовательного уровня, гигантскому росту безработицы.

Усиливающееся значение Южного Кавказа в военно-стратегическом отношении делает его экономическое развитие второстепенным. Это в наибольшей степени относится к Грузии и Армении, хотя и Азербайджан не исключение. Тем не менее все государства региона заинтересованы в том, чтобы Южный Кавказ начал играть важную роль как транзитная территория — для каспийских энергоносителей, для товаропотоков Запад—Восток и Север—Юг. Армения по ряду причин изначально оказалась исключенной из процесса выстраивания новых энергокоридоров. В результате на роль транзитных государств пока могут претендовать только Азербайджан и Грузия³².

Перспективы социально-экономического и политического развития региона осложняются тем, что географическое положение сделало Южный Кавказ заложником глобальных геостратегических интересов России, США, Турции и Ирана. Степень заинтересованности США в Кавказе с момента распада СССР постоянно увеличивалась. Свою роль сыграли ошибки российской внешней политики, вызванные отсутствием ясного видения стратегических целей на Кавказе.

Что касается Центральной Азии, то после распада СССР страны региона столкнулись с необходимостью решения чрезвычайно сложной задачи построения национальных государств. Этот процесс развивался в условиях роста этнического национализма, стремительного усиления позиций радикального политизированного ислама, «догоняющей» модернизации, обусловленной технологической и экономической отсталостью этих стран. Изъяны

---

32. Гусейнов В., Поклонов О., Демиденко С. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы). М: Красная звезда, 2008. С. 182.

политического процесса, которые характерны для стран европейской части постсоветского пространства, проявились в регионе еще более остро³³.

Различные политические и экономические шаги, которые предприняли отдельные государства Центральной Азии с момента обретения независимости, привели к резким экономическим контрастам между ними. Казахстан и Узбекистан осуществляют заметно более амбициозные, чем остальные страны региона, экономические и политические реформы и претендуют на лидерство в регионе, конкурируя между собой. Этим в значительной степени объясняется разность выбранных ими внешнеполитических ориентиров. Так, руководство Казахстана предпочитает сотрудничество с Россией в рамках Таможенного союза, в то время как Узбекистан после периода маятникообразных колебаний между различными глобальными центрами силы в настоящее время двинулся в сторону сотрудничества с Западом, что выразилось, в частности, в приостановке членства в ОДКБ и ЕврАзЭС.

Наличие природных ресурсов, главным образом нефти и газа, в Казахстане и Туркменистане и отсутствие таковых в Кыргызстане и Таджикистане (хотя они обладают уникальными богатствами в виде полезных ископаемых и запасов воды) обуславливает резкий контраст уровня развития этих стран. Ситуацию усугубляют признаки укрепляющегося авторитаризма в виде (в том числе) политических репрессий, которые наблюдаются во всех странах. Социальное недовольство подогревается усиливающейся нищетой народа и увеличивающимся расслоением общества. А нестабильность на южных границах и угроза наркотизации и экстремистской исламизации угрожают разрушить и без того слабую социальную инфраструктуру региона и подорвать власть государства³⁴.

Отметим также, что проблема международного терроризма в регионе была подвержена «секьюритизации» как глобальными игроками (в первую очередь, Россией и США), так и политическими элитами стран региона. Особенность конструирования образа терроризма в международном дискурсе заключа-

---

33. Дадабаева З. Особенности развития политической системы в Центральной Азии. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 7.

34. Там же. С. 9–10.

ется в тесном увязывании между собой таких явлений, как религиозный экстремизм, сепаратизм и агрессивный национализм. Несмотря на объективное наличие указанных угроз (которые все же предпочтительно рассматривать в отдельности), подобное манипулирование понятиями используется в целях увеличения собственного влияния в регионе и контроля над территорией, а также для оправдания репрессивной политики в отношении оппонентов и ужесточения политических режимов центрально-азиатскими правительствами.

Очевидно, что в центральноазиатских республиках наблюдается стремление имитировать демократию, а не развивать ее. Власти этих стран осознают, что введение законодательных ограничений в электоральные правила ставит под угрозу получение помощи от развитых стран. Поэтому, чтобы избежать критики со стороны международного сообщества, они стараются формально соблюдать демократические процедуры. Однако шансы прихода во власть законным путем в рамках существующей системы для альтернативных политических движений фактически равны нулю.

Помимо ресурсной составляющей определяющим для формирования внешней политики стран Центральной Азии является фактор рабочей силы. Экономическое благополучие населения региона в существенной степени зависит от возможностей получения заработка в более благополучных странах постсоветского пространства, а следовательно, диктует логику выстраивания отношений между ними и правительствами центральноазиатских республик.

Можно согласиться с выводом М.Ларюэль, профессора университета Джорджа Вашингтона (США), о том, что «двадцать с лишним лет правительства стран Центральной Азии выстраивали свою внешнюю политику, руководствуясь исключительно внутривнутриполитическими соображениями: внешняя политика играет ключевую роль в легитимизации новых государств, их руководителей, которые считают себя «отцами нации» и общенациональных «ценностей», которые, как предполагается, должно разделять население»³⁵.

---

35. Ларюэль Марлен. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. 2013. №1–2. Январь–апрель. С. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наступление нового (третьего) периода посткоммунистической трансформации было детерминировано качественным изменением некоторых параметров существующих на постсоветском пространстве общественно-политических систем. Новые технологии и возможности обусловили усиление консолидации различных общественных слоев в зависимости от их интересов, в первую очередь, в социальных сетях в Интернете, что само по себе уже становится неотъемлемой частью общественно-политических реалий. Упрощение получения доступа к информации порождает все большее недоверие к ангажированным проправительственным СМИ, а стало быть, и к самой власти во всех постсоветских республиках, даже в тех, где происходит блокировка доступа к тем или иным ресурсам (как, например, в Узбекистане). Данный этап трансформации связан также с приходом в различные сферы общественной жизни нового поколения, для которого мобильность передвижения и скорость получения информации становятся чуть ли не главными ценностями, а следовательно, востребована большая прозрачность внешнеполитических решений.

Тем не менее очевидным итогом трех рассмотренных периодов посткоммунистической трансформации становится тот факт, что роль политических партий в формировании внешней политики большинства постсоветских государств весьма несущественна. Разумеется, речь не идет о странах Балтии, вступивших на путь современного европейского парламентаризма. Что касается

Украины, Молдовы, Кыргызстана, Армении и Грузии, то идеология политических партий этих стран зачастую остается размытой, их концепции внешней политики представляются неясными, а стало быть, несмотря на наличие дискуссий в парламентах, трудно говорить о реальной конкуренции идей в данной сфере. По большому счету партии используют те или иные лозунги во внешнеполитическом дискурсе исключительно в качестве предвыборной бутафории. Подобный политический популизм препятствует формированию реальных векторов развития международной деятельности указанных стран. Что же касается остальных республик бывшего СССР, то вследствие дефицита реальной парламентской конкуренции сфера внешней политики все еще остается достоянием «закрытой», а не публичной политики.

За 20 с небольшим лет независимости все страны постсоветского пространства привыкли к существованию на международной арене в режиме «качалей», балансируя между интересами крупнейших акторов мировой политики (США, ЕС, России, Китая) в данном регионе. Подобная практика выстраивания международных отношений привела в конечном итоге к невозможности следования четко разработанной стратегии, в которой были бы ясно определены цели и задачи внешнеполитического курса и, соответственно, способы их достижения. Это объясняется тем фактом, что во многих постсоветских республиках большинство мест в парламентах имеют представители проправительственных партий, единственной целью которых является обслуживание действующей власти, стремящейся удержать рычаги управления страной любыми методами.

Что касается наиболее радикальных представителей политического спектра постсоветского пространства, то «левый» фланг в большинстве указанных стран представлен коммунистическими партиями, образовавшимися на базе бывших региональных отделений КПСС. Их риторика и политические технологии мало соответствуют реалиям XXI в., хотя теоретически именно левая, социалистическая идеология, происходящая из опыта сосуществования в рамках Советского союза, призвана обеспечить платформу для консолидации фрагментированного постсоветского пространства. Однако во многих странах компартии успешно институционали-

зированы в рамках имитирующих демократию и плюрализм парламентских систем, и этим объясняется их нежелание модернизироваться и выступать со сколь-либо масштабными проектами. Что же касается социалистических и социал-демократических партий, то их позиции в постсоветских странах пока еще весьма слабы, как правило, они не пользуются широкой поддержкой населения. В то же время большую опасность для любых интеграционных проектов на территории бывшего СССР представляют «ультраправые» партии и движения. Скатывание в националистическую идеологию, а в случае с Азербайджаном и странами Центральной Азии – в радикальный исламизм, будет только препятствовать попыткам преодоления фрагментации постсоветского пространства.

Неправовые социальные отношения по-прежнему остаются движущей силой, социальной базой геолокальных, семейно-клановых и прочих компонентов социальной структуры. В условиях ничем не ограниченной конкуренции межклановые отношения периодически приобретают конфликтный, социально опасный характер острого противостояния. На этом фоне социальная дифференциация населения создает опасный потенциал внутривнутриполитического напряжения. Совпадение и даже сознательное отождествление границ социально-классовых различий и противоположностей с межклановыми, социально-территориальными различиями и привилегиями многократно умножают взрывоопасные политические противоречия, различия в положении людей в зависимости от их принадлежности к тем или иным территориальным сообществам.

В силу сказанного дальнейшее поступательное движение современных обществ и государств постсоветского пространства все острее ставит вопросы выработки новой, современной социальной стратегии, цель которой – преобразование социальной структуры общества, усиление общенациональных, интегрирующих начал, создание необходимых общественных предпосылок для комплексных реформ социальной и политической жизни.

От того, каким образом будет осуществляться данное обновление, напрямую зависит успешность решения не только социально-экономических проблем постсоветских государств на новом этапе трансформации, но и попыток преодоления дальнейшей фрагментации данного пространства путем осуществления проек-

тов реинтеграции. Данное обстоятельство становится ключевым для понимания зависимости динамики внешнеполитических процессов от внутривнутриполитической жизни указанных стран. Сценарий новых революций представляется возможным, однако его последствия могут крайне негативно сказаться как на стабильности региона в целом, так и на социальном климате внутри постсоветских стран. Гораздо менее болезненными представляются модели добровольной трансформации и обновления элит в случае, если они осознают необходимость построения диалога с обществом и приступят к осуществлению давно назревших реформ в социально-экономической сфере, что позволит им выйти на новый уровень развития в трансформационных процессах.

Что касается интересов России как страны, позиционирующей себя в качестве инициатора проекта реинтеграции, то в ее интересах не конфронтация, а компромиссное и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе и с новыми региональными силами. В контексте взаимодействия между Россией и другими странами СНГ – потенциальными участниками евразийского интеграционного проекта, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что она не сосредоточена на усилении экономических отношений с ними, лидирующие позиции в ее внешней торговле по-прежнему занимают крупнейшие мировые игроки – ЕС, США и Китай. Кроме того, несмотря на различие подходов к оценке перспектив вступления Украины, большинство западных экспертов не рассматривают ее как потенциального участника Евразийского союза в 2015 г., не говоря уже о Молдове, Грузии и Азербайджане³⁶.

Несмотря на заявление С.Саргсяна о намерении Армении присоединиться к Таможенному союзу, Ереван в то же время не планирует отказываться от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. Отсутствие общей границы с Россией, сложности юридических и технических согласований (в частности, по вопросам устранения барьеров во взаимной торговле с государствами СНГ, не являющимися членами ТС), а также желание интенсификации сотрудничества с ЕС, демонстрируемое многими политическими и экономическими

---

36. *Geluno I.* Lithuanian Foreign Minister takes Moscow-led Eurasian Union Seriously // “15min.lt”, 11 January, 2013 (<http://www.15min.lt/en/article/world/lithuanian-foreign-minister-takes-moscow-led-eurasian-union-seriously-529-296006>).

акторами в Армении, свидетельствуют о том, что заявление Саргсяна само по себе не дает гарантий вступления в Евразийский союз³⁷.

Нельзя не отметить также, что проблематика евразийской интеграции занимает периферийное положение в российском общественно-политическом дискурсе, чего нельзя сказать о Казахстане и Беларуси, в которых вектор внешнеполитической ориентации (евроатлантический, националистический или же пророссийский) становится одним из ключевых факторов партийной самоидентификации.

Как бы то ни было, аттрактивность и самостоятельная ценность евразийской интеграции как долгосрочного проекта для потенциальных, а также действительных участников не кажется в достаточной степени убедительной. Так, отношения между Беларусью и Россией складывались достаточно специфическим образом, учитывая глубокую зависимость республики от льготных тарифов на использование российских энергоресурсов. В силу осложнения отношений белорусского руководства с западными соседями объединение с Россией на ее условиях фактически стало единственной возможностью сохранения нынешнего режима, невзирая на то, что определенные «шероховатости» между двумя участниками Таможенного союза прослеживаются и по сей день.

Что касается Казахстана, то, как отмечает Н. Кассенова, Н. Назарбаев в рамках евразийского проекта преследует сразу две цели. Во-первых, как и в случае с Беларусью, это позволяет сохранить определенную внутриполитическую стабильность, во-вторых вступление в Таможенный союз было обусловлено желанием использовать данную платформу для ускоренного вступления в ВТО³⁸. В то же время многие политические силы в стране (преимущественно националистической направленности) высказали свое недовольство в связи с существенной утратой части государственного суверенитета. Для этого есть вполне весомые основания: в результате интеграционных процессов цены на иностранную продукцию резко выросли, в то время как цены на товары, поставляемые российски-

---

37. Карабаев А. Указ. соч.

38. Kassenova N. Kazakhstan and Eurasian Economic Integration: Quick Start, Mixed Results and Uncertain Future // IFRI, Centre Russie Nei Reports №14, Paris, November 2012 (wifri.org/.../ifrikassenovakazandeurasianintegrationengnov2012.pdf).

ми производителями, не стали ощутимо более низкими. Кроме того, в казахстанском обществе проблема делигирования части национального суверенитета совместным с Россией органам политико-экономической координации стоит острее, чем в Беларуси.

Несмотря на существенные социальные, политические и экономические различия между рассматриваемыми странами, общим знаменателем в их развитии по-прежнему остается общественно-экономическое устройство, которое в целом можно охарактеризовать как «постсоветский капитализм»³⁹. Еще недавно, до глобального экономического кризиса, считалось, что перспектива интеграции в Европейский союз, пусть и отдаленная, может стать мощным фактором трансформации постсоветских государств, по крайней мере, расположенных в европейской части бывшего СССР. При этом элиты данных стран зачастую демонстрировали иждивенческий подход, надеясь на то, что сближение с ЕС обусловит приток средств в национальные экономики, но не спешили осуществлять реформы по европейскому образцу. Но даже такая поверхностная приверженность «европейскому выбору» позволяла правительствам многих постсоветских стран проявлять независимость по отношению к России.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. не только отдалил на неопределенный срок перспективу расширения ЕС, но и обозначил разницу в восприятии повестки дня Европой и постсоветскими странами. Если для многих постсоветских государств данная проблематика является предметом интенсивного осмысления и занимает чуть ли не главное место во внешнеполитическом дискурсе, то для Европейского союза вопрос о вступлении указанных государств даже до кризиса не был первостепенным. Европейская политика соседства и создание программы «Восточного партнерства» во многом были обусловлены желанием европейских наднациональных институтов отложить вопрос о подаче заявок на вступление указанных стран, но при этом углублять сотрудничество с ними в рамках единой «Дорожной карты». Для Европейского союза постсоветское пространство (в особенности его европейская часть) — это территория транзита, поэтому ЕС заинтересован в стабильности

---

39. Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. Т. 15. №3–4. С. 13.

и предсказуемости данного региона. Европейцы отдают себе отчет в том, что без сотрудничества с Россией добиться успеха в обеспечении стабильности будет весьма затруднительно. Тем не менее, у ЕС и РФ разные представления о степени совместимости европейского и постсоветского пространств⁴⁰. Как бы то ни было, сотрудничая с ЕС на названном направлении, Россия получает возможность наладить испорченные отношения со своими соседями, в частности, со странами Балтии (являющимися членами ЕС, на которых могут повлиять западноевропейские партнеры, заинтересованные в плодотворном сотрудничестве с Россией), а также с Грузией.

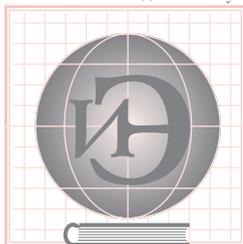
40. Держачев В. Роковые рубежи Европы // Вестник аналитики. 2009. №1 (<http://dergachev.ru/analit/11.html>).

Сведения об авторах

Шмелёв Борис Александрович — д.ист.н., профессор, руководитель Центра внешней политики России ИЭ РАН. Член Ученого совета ОМЭПИ ИЭ РАН, член редколлегии журнала «Власть». Автор монографии и более 100 научных трудов по проблемам международных отношений (внешней политики России, европейской безопасности, безопасности на Балканском полуострове). Исследует политические процессы и конфликты в Европе XX—XXI вв. Ответственный редактор 15 сборников по проблемам международных отношений, политических трансформаций в странах ЦВЕ и на постсоветском пространстве.

Симон Марк Евгеньевич — к.полит.н., научный сотрудник сектора политических процессов на постсоветском пространстве ИЭ РАН. Сфера научных интересов: европейская интеграция, взаимодействие между ЕС и странами бывшего СССР; политические и социальные процессы в странах Центральной и Восточной Европы; политическая регионалистика, социальная урбанистика, локальное самоуправление; постпозитивистские теории международных отношений: конструктивизм, постмарксизм, постколониальные исследования.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Б.А. Шмелёв, М.Е. Симон

**Влияние внутриполитических процессов
на внешнюю политику постсоветских государств**

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

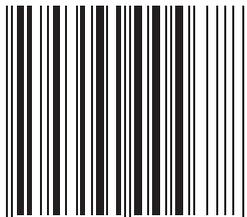
Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 05.11.2013 г.

Заказ № 76. Тираж 300. Объем 2,0 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0467-8

9 785994 004678